

Ольга ПОКРОВСКАЯ

г. Москва

РОЖДЕНИЕ

рассказ

У Натальи, пятидесятилетней управляющей развлекательным клубом, родилась внучка. Новоиспеченная бабушка не справлялась: все валилось из рук, и она не знала, за что взяться. Зять, сообщивший радостную новость, пропал и не подходил к телефону, дочь из роддома отчего-то не звонила, а Наталья боялась ее тревожить. Муж Леонид, души не чаявший в дочке, напился от радости и в помощники не годился. Наталья гадала: то ли бежать к роддому, узнавать, как дела и не надо ли чего-нибудь, то ли ехать за кроваткой, что проблематично, так как нетрезвого мужа за руль сажать было нельзя, зять пребывал неизвестно где, а тащить груз на собственном горбу Наталья не хотела. От раздумий ее отвлекла сестра, которая потребовала явиться за детскими вещами, и Наталья поехала в старую родительскую квартиру.

Она шла по району, в котором выросла, равнодушно отмечая, что где-то построили новые гаражи, где-то сломали ларек, а где-то проредили деревья и спилили кроны. Знакомых лиц не встречалось, только у подъезда Наталья заметила сидящего на лавочке худого старика в странной позе. Сначала она удивилась, отчего старик сидел один, когда на соседних лавках — аншлаги, ни одного свободного места. Потом она нахмурилась на позу старика — казалось, все ему мешало и было в тягость: руки, ноги, голова, да и весь окружающий мир. Потом она узнала его, отвернулась и прошла мимо.

Сестра Тая выложила на стол стопку выстиранных вещичек. Наталью немного разочаровало, что вещи были на большого

ребенка, лет на пять, и спокойно могли подождать — не было срочности. Тая, угадав сестрины мысли, попросила:

— Забери ради Христа, чтобы они Люське на глаза не попадались. Чтобы у нее соблазна не было второго рожать. С ее-то сердцем — самоубийство... Я Валерку — не успевает вырасти — из штанов вытряхиваю и отдаю сразу же.

У сестры был внук, но в Натальином представлении это не имело значения — на маленьких вещи похожи.

— Как дела-то, что Ира, как прошло? — спросила Тая. — Все в порядке? Дочка как?

Наталья озабоченно махнула рукой.

— Не знаю, ничего не знаю. Антон чего-то квакнул невнятно. Что мужик поймет, разве разберешь?

— Так позвони.

Наталья покачала головой.

— Боюсь... Сама бы позвонила. А раз нет... Может, занята... Процедуры...

— Чем быть занятой? Лежи в палате и в ус не дуй. Не знаешь — резали?

— Не знаю.

— Сейчас всех режут, — вздохнула сестра. — Чтобы, от греха подальше, внутренних разрывов не было. Все девчонки, кого ни спросишь, со швами ходят. Я Люську рожала — врач подошла, посмотрела, взяла да прямо пальцем мне все порвала. Конвейер, как на заводе... Это раньше — с хорошей акушеркой рожали, не замечали как. Знающая акушерка-то все объяснит, когда тужиться, когда подождать. Но с каждой сидеть надо... Сердечко у ребенка слушать... Леня-то счастлив, поди? А Антон как?

— Черт его знает, — пожаловалась Наталья. — Не знаю, где его носит. Отключился.

— Празднует на радостях? — благодушно подсказала Тая.

— Чего праздновать? Работать надо! Пеленок не запасли... Кроватки нет... Коляски... Бегай и суетись. Потом празднуй, как работу сделаешь.

— Коляску не к спеху. Можно потом. Сначала на руках погуляет. Сколько весу? Три кило четыреста? Вынесет, на скамеечку сядет, в руках подержит.

— Как же сядет? А если порезали? Сама говоришь... Будет стоять два месяца, как часовой на посту...

— Ах, да, — вспомнила Тая. — Конечно... А по объявлению поискать?

Наталья возмущенно покачала головой.

— Из-под незнакомого ребенка не возьму хоть задаром. Вдруг из-под больного? Может, заразы столько, что не отмоешь... Мало ли! Может, в этой коляске бомжи бутылки пустые возили.

— Ну да, ну да... — вздохнула сестра.

— Кроватку договорилась брать, а Антон пропал. Им еще квартиру отмывать, грязи по колено, а туда ребенка везти. Кто сделает? Мамаша его — полупараличная якобы? Она пальцем не пошевелит. Только лежать да охать — больше ничего не умеет...

— Помоем, — возразила Тая. — Антон — парень хороший, рукастый.

— Рукастый-то он... — Наталья огорченно махнула рукой. — Только он забитый какой-то. Это мамаша его, Райка, с детства затоптала, на корню. Отца в гроб свела, сестру погубила, а сама лежит как королева: Антоша, принеси! Антоша, подай! И никакой инициативы в нем нет, в Антоше, только бегаем. Так и будет до пенсии аварийку водить...

— Ладно, что ты, — не согласилась Тая. — Ремесло есть, квалификация. Понадобится — подкальмит, подбомбит.

— Боже упаси! — ужаснулась Наталья. — Другой характер иметь надо — в мафию эту лезть. Сосед вон ходит кривой — шею полоснули. Хорошо — не до смерти. Жалуется — шрам болит... Это не его... Связалась Ирка с этим Антошей, говорила я ей...

— Ладно, хороший парень.

— Хороший парень, если бы он сам по себе был! А он с Райкой в комплекте! Ведь не бросишь — мать родная. А эта больная всех переживет. Я Ирке сорок раз говорила: живите у нас — и квартира получше, и к центру удобнее... Нет, Антоша мать бросить не может. Гадюка она, а не мать! Лежит при взрослом сыне без трусов! Тьфу, пакость! Ну, со спиной у тебя что-то, но руки-ноги у тебя на месте, запахнуться ты хоть можешь, одеяло накинуть? Да не больна она, я больше чем уверена. Ее из всех больниц выгнали...

— Ничего не значит, — сказала Тая уверенно.

— Мало ли кого из больниц выгоняют, — она

помрачнела и сделала паузу, будто решала, говорить или нет. — Твоего... бывшего... на той неделе выписали. Положили на операцию, разрешили, посмотрели и обратно зашили. И выпихнули — дома помирать. Чтобы место не занимало и статистику не портил. Сейчас быстро.

— А-а-а... — протянула Наталья недобрый голосом. — То-то я его перед домом видела, на лавочке сидит. Сразу не узнала. Постарел лет на двадцать. Раньше-то гоголем ходил. А сейчас пустота вокруг — никого.

— Боится народ, — пожалла плечами Тая.

— Что у него, онкология? Так не заразно.

— Ты откуда знаешь? Сама профессор — заразно, не заразно? Пускай сперва лечить научатся, а потом народу втирают. У нас билетная кассирша работала, вся семья у нее от рака умерла. Пойди разбери — заразно или нет? А потом... — она вздохнула. — Не только онкология. Беда разная. К беде прикасаться страшно.

Наталья подвела итог:

— Ну, бог с ним совсем, не до него.

Но Тая продолжала:

— Анька его подхватила: мол, скорее инвалидность оформлять, пока не помер. Мы говорим: пожалей мужика, оставь в покое. Разбежалась — инвалидность. Вся комиссия прямо спешит к тебе на полных парусах. У нас если в агонии дергаешься — и то первую группу не дадут, скажут, шевелишься — значит, ничего. С нашего государства копейку слупить — на сто рублей здоровья потратишь... Ты-то... — заикнулась она несмело, — может, с ним помириться?

— Я с ним не ругалась, — отрезала Наталья. — И мириться мне с ним нечего.

— Все-таки, — вздохнула Тая, — не чужой человек... Муж... Ведь признайся — он тебя тогда за дело приложил...

— За дело? — спросила Наталья жестким голосом. — Если за дело, так ему по делам бы в тюрьме сидеть лет десять. Он за здоровье меня должен каждую неделю поминать, что я на него в суд не подала. Тогда было время советское, законы работали. Нас же развели за минуту! Других судья опрашивала, уговаривала и так, и этак... А я как сказала: избил беременную на восьмом месяце, ребенка я потеряла — у судьи челюсть упала. Развод — и до свиданья,

свободны, граждане. Дикость... Взять Ленечку — тоже не ангел... Вредина та еще бывает... Но он меня за двадцать пять лет пальцем не тронул! Руки не поднял!.. Да и словами... Поругались раз пять за все время. В общем... — она поморщилась, — слушать не хочу. Помирает — значит, судьба такая. Это крест не мой...

Тая повела бровями, но спорить не стала.

— Ты куда сейчас? — спросила она. — В роддом поедешь? Иришу поздравляй от нас, самого лучшего ей, малышке... А главное — передай, как нас, помнишь, бабушка наставляла: женщина после родов сорок дней одной ногой в могиле. Чтоб берегла себя как зеницу ока! А то разбежится на радостях...

Старинная бабушкина поговорка резанула слух Наталье. Она бежала по двору, и сердце тревожно билось от неизвестности за дочь и новорожденную внучку. Несколько раз взглянула на телефон, проверяя, есть ли сигнал. Про бывшего мужа она забыла и не посмотрела в его сторону.

Наталья ждала автобуса на остановке, чтобы ехать к роддому, когда раздался звонок. Она вздрогнула, схватилась за трубку, но это оказалась родственница Ириной сослуживицы Галя, которая обещала кроватку.

— Не могли бы сегодня забрать? — спросила она. — Мы через два часа на дачу едем.

— Ох, сегодня! — только и сказала Наталья. — Водители-то у нас все...

— Тогда через неделю, — спокойно согласилась Галя. — Сын с невесткой приедут. Звоните...

— Подождите! — взмолилась Наталья так, что обернулась вся остановка. — Что-нибудь придумаем. Извините... Дела... Голова идет кругом.

— Понимаю, — согласилась Галя с сочувствием.

Наталья вскочила в автобус и поехала домой, судорожно считая: хватит ли денег, если брать частника до дальнего района и обратно. Надо еще пеленки... Неизвестно, удастся ли достать коляску. Если покупать, это может обойтись в сумасшедшие деньги. Не решены вопросы с ванночкой и пеленальным столиком... В общем, не хотелось тратиться. Антон по-прежнему не отвечал, и она не знала, какими средствами располагает молодой папа... А звонить его матери категорически не хотела. Та могла

возмутиться самим фактом, что для внучки вообще предназначены какие-то деньги, и потребовать их себе на покупку диковинных лекарств или средств для ухода, а у послушного сына не хватило бы силы воли отказать.

Дома новоиспеченный дедушка предавался удовольствиям: выпивал по рюмочке, закусывал колбаской и смотрел телевизор. Когда Наталья напустилась на легкомысленного супруга, тот заулыбался щербатыми зубами, как захмелевший морж:

— Мать! Ведь не каждый день внучки рождаются! Что я говорю — ты теперь не мать, ты бабка! Не ругайся, бабка!

И он полез обниматься. Отбившаяся Наталья спросила: не звонил ли кто, но оказалось, что звонили дальние бестолковые родственники, и Леонид не догадался спросить, нет ли наводки на коляску, а нужные люди не проявлялись.

— Мы с внучкой в деревню поедem, — пообещал Леонид. — Поедет внучка с дедом... Будем кроликов кормить... Вас оставим...

— На ножки подними сперва внучку-то, — посоветовала Наталья ядовито.

Не найдя помощи у супруга, она бросилась обходить соседей и, застав пару с четвертого этажа, бросилась в ноги:

— Света, выручай, на вас одна надежда! Пускай Андрюша за кроватью съездит для девочки. Там срочно! Наши мужики бездарные совсем. Никакого толку! Приходится чужих людей просить ради Христа.

Света с кислым вздохом явила милость, Андрюша был оторван от верстака, извлечен с балкона, посажен за руль, и скоро его старая колымага, громыхая, ползла по улице, а Наталья думала, что придется презентовать Свете трехлитровую банку соленых огурцов — меньшим не отдариться.

Галю с семейством она застала в разгаре погрузочных работ, когда все бегали и переносили из квартиры вниз перетянутые бечевкой подушки, корзинки, баулы с бельем и ящики с консервами, а по лестничной клетке бегал худой мужчина в зеленой бейсболке с огромным козырьком — видимо, муж — и тоскливо взывал, заламывая руки:

— Пропади ваша дача! Нельзя, нельзя, нельзя, нельзя столько дряни в машину грузить! Прошлый раз, как диван перли на багажнике, чуть не перевернулись к свиньям!..

Обнаружив постороннего человека, он осекся, безнадежно махнул рукой и побрел вниз, а запыхавшаяся, но хладнокровная Галя засучила рукава, подобрала растрепавшиеся волосы и пошла за кроватью.

— Один прут выпадает, подклейте, — объяснила она, доставая деревянные части каркаса на лестничную клетку. — Петька вытащил, вынимать наловчился. Я еле нашла. Чуть не выкинула.

— Ничего, — сказала Наталья. — Прут новый выточим, вставим.

— Нет, он есть, только закрепить, — она вспомнила: — Еще он их грыз, когда зубы резались. Ползал и грыз, как бобер... Насчет денег не беспокойтесь. Даром досталась, и с вас брать неловко. Получится, что на детях наживаемся — нехорошо... Как у молодой мамы дела? В порядке?

— Да... — согласилась Наталья неопределенно, не признаваясь сначала, что не знает, как чувствует себя дочь и подробности родов, а потом выдохнула: — Я с ней не говорила.

— А что врачи предсказывали? Ребенок-то перевернулся? Головкой шел?

— Не знаю... — протянула Наталья, обнаружив, что не в курсе деталей. Отчего-то ей казалось, что ребенок, идущий головкой вперед, — это норма и отступлений не бывает.

Галя, смахнув с лица упавшую прядь, заверила:

— Если в порядке, то, наверное, головкой. Когда ножками, они кесарят обычно. Чтобы без осложнений.

Она разогнулась, потеряла затекшую поясницу и застыла, отдыхая от беготни.

— Вы ей скажите, — убедительно посоветовала она Наталье, — чтобы сквозняков остерегалась. И ребенка берегла. В нашем роддоме любят окна открывать. И девки безумные. Как муж пришел — окно нараспашку: милый-дорогой, посмотри, какое я чудо родила. В уме нету — через стекло показать. Что, милый-дорогой пару дней не подождет? Неимется. А потом прохватит... Она с теплой одеждой поехала!

Наталья в отчаянии всплеснула руками.

— Не я собирала!

— Вот-вот... Матерей не слушают... — Галя вздохнула. — Интересно, кормила уже? Такие хорошенькие — когда кормить приносят. У меня дочка, помню, кусалась — просто вампир. Вот такой комочек — а хрумкает изо всей силы, грудь трещит. Зубов нет, а туда же... Живьем готова съесть. А сын еле-еле — пососет и заснет... Следи, чтобы носик не придавило, не задохнулся... Почему-то их первый раз приносят, когда они прокакаются, раньше нельзя.

— Да? — Наталья удивилась. — Я не помню. И не спрашивала, принесли — значит, принесли. А почему?

— Не знаю почему. Им виднее... Вика! — крикнула она вниз семилетней девочке. — Осторожно, криво несешь, вывалишь!.. В багажник положи!..

— Столько хлопот, — посетовала Наталья, обнаружив опытного человека. — Не понимаешь, за что взялась.

— Всегда так... А я вас знаю. — Галя пригляделась с Наталиному лицу. — Вы в наш дворец спорта ходили. Фигурным катанием занимались.

— Когда... — усмехнулась Наталья. — И где тот дворец спорта...

— А я гимнастикой. С обручем бегала. Помню, помню. Вы с братниным приятелем дружили, с Колей Веселовым. Мне сегодня подружка звонила, Колю вспоминали. Может, знаете, несчастье — Коля от рака умирает. Молодой...

— Знаю, — процедила Наталья. — Это муж мой. Бывший...

— Ох, да что вы! — Галя неловко замолчала. — Несчастье-то. Извините, напомнила. Может, не к месту...

— Ничего, — сказала Наталья сухо. — Он для меня давно умер. Много лет назад.

Андрюша поднялся, подхватил каркас и бодро спросил на ходу:

— Куда повезем-то? К тебе?

Наталья поблагодарила и побежала за водителем, а Галя крикнула вслед:

— Прут не потеряйте!..

Наталье показалось, что Галины дети и домочадцы с усмешками проводили Андрееву

колымагу, но ей было все равно. Едва усевшись в машине, она не выдержала, вызвала Ирин номер и радостно встрепенулась, обнаружив, что абонент на связи. В трубке долго пиликали гудки, и звонок сбросился.

— Куда едем-то? — повторил Андрей.

— К сватье, к сватье, — пробормотала Наталья рассеянно и назвала адрес.

Ее тревога усилилась. Ирин телефон лежал где-то отдельно от владелицы. Если бы в палате — наверное, кто-нибудь, понимая беспокойство родственников, подошел бы и доложил обстановку. Из головы не шло грозное бабушкино предупреждение, которое утром напомнила Тая, и еще раздражало, что ей в радостный день второй раз напоминали о неприятной теме, которую она предпочитала забыть. Поставила в памяти давным-давно загородку и никогда не переходила. А сегодня второй раз говорили о бывшем муже... Угораздило тяжело заболеть. Ничего хорошего ждать от него не приходилось — испохабил даже светлый праздник...

Потом Андрей скептически наблюдал, как она долго и безуспешно жала кнопку сватьино-го звонка, и хмыкал:

— Ну, Наташа, нас явно не ждали. Ты договоришься, нет?

В квартире не было никакого шевеления. Наталья растерянно нажимала еще, говоря:

— Дома она, дома. Не может быть. Она из квартиры-то не выходит. Может, спит?

— Мертвецким сном она спит, — процедила Андрей. — Давай хоть соседям отдадим. Зря, что ли, катались...

Наталья задумалась. Она знала, что сватья вечно враждовала с соседями — как бы те не попортили по злобе внучкину кроватьку. Но с другой стороны, Антон — существо беззаветное и вряд ли к нему есть претензии. Не обидят же его новорожденную дочку?.. Она выбрала дверь почище и позвонила. Вышла женщина в халате со строгим лицом общественной активистки. Узнав, в чем дело, поджала губы.

— На телефон-то ей позвоните, — посоветовала она. — Дома, куда ей деться. Позвоните, попробуйте.

И встала в дверном проеме, ожидая результата. Наталья вызвала сватьин номер. К ее удивлению, сватья сразу взяла трубку.

— Ох... — процедила она со скрипом. — Кто... что?.. В чем дело?.. Это ты, Наташа?..

— Рая! — удивилась Наталья. — Мы тебе в дверь звоним! Ты нам открой — мы кровать привезли для девочки.

— Дверь... Не могу я дверь открыть... Я лежу...

У Натальи опустились руки.

— А где Антон?

— Антон?.. Не знаю я, милая, где Антон... Антон меня бросил... Мать для него теперь ничто... Другие у него теперь приоритеты, так-то... Что с матерью происходит — ему все равно, Антону-то... Бросил мать... Да...

— Что тебе? — нахмурилась Наталья. — Плохо?

— Мне, Наташа, всегда плохо... Только никого это не волнует... Все своими делами занимаются, а я подыхай без присмотра... Да...

Наталья пожала плечами.

— Не хочет открывать, — пояснила она соседке. — Не может, говорит. Плохо ей. Может, возьмете? Я Антоше записку напишу, он заберет...

Соседка подошла к сватьяной двери и решительно застучала ладонью о дверное полотно.

— Раиса Алексеевна! — закричала она. — Не дури! Открывай, к тебе люди! Если плохо, мы дверь ломаем! Слышишь? Врача тебе вызовем!.. Если плохо, надо в больнице лежать!..

Видимо, к угрозе сватья отнеслась со всей серьезностью, потому что в квартире зашуршало, зашелестело и через пять минут дверь приоткрылась, а на Наталью пахнуло затхлым. На пороге возникла полусогнутая сватья и уставилась на гостей с истово страдальческим выражением.

— Рая, — проговорила Наталья недоуменно, — если так плохо, ты дверь не закрывай. А если скорую вызвать понадобится? Они же к тебе не войдут. Лежи с открытой дверью — брать у вас нечего...

— Конечно... — пожаловалась Рая. — Что мне остается? Лежи с открытой дверью и жди бандитов... Сыночку все равно. Такой он заботливый — мой сыночек. А бандиты найдут, что взять. На бутылку, на дозу... Зарежут — и никому дела нет. Подыхай, мать старая...

Наталье не хотелось обсуждать эти вопросы.

— Мы кровать занесем, — сказала она. — Для девочки.

— Заносите, — пробурчала Рая, отходя. — Я тут не хозяйка... Кто меня слушает...

Соседка, сделав дело, ушла. Андрей, неприязненно морща нос, потащил части кровати в квартиру. Наталья вошла и, осмотревшись, приуныла — она поняла, что мыть помещение для дочери и внучки придется ей — больше никому.

— Поздравляю тебя, — сказала она Рае. — С внучкой. Праздник у нас с тобой!

Сватья скривилась.

— Это у них праздник, — бросила она. — Они родили и горя не знают. А у нас тяжелый труд. Со света божьего убирайся. Нам теперь места нет...

«То-то ты перетрудилась», — хотела сказать Наталья, но промолчала. Спросила только:

— Антон не звонил?

— А зачем ему надо? О матери думать?.. Отжила и пошла к черту... Мне массаж нужно, милая, физиотерапию... А где деньги взять? Теперь-то совсем не будет — с ребенком...

Наталья окинула взглядом ее жалкую фигуру.

— Может, правда, скорую тебе вызвать? — спросила она с сомнением.

Рая отмахнулась.

— Толку от ваших скорых... Приедут, водичкой уколут — все дела. Нечего с нами церемониться. Уколы делают понарошку... Операции делают понарошку... Медсестра рассказывала: в больнице, где я лежала в прошлый раз, на той неделе мужика разрезали. А у него внутри россыпь, как просо. Глаза разбегаются. Рак, метастазы одни. Зашили и домой отправили. Так у нас операции делают. Вот и обращайся к врачам... Медицина бесплатная...

Наталья поежилась в третий раз за день.

— Откуда только, — проговорила она вредным голосом, — все знают?.. Как разрезали, как зашили?..

Рая высокомерно вскинула тонкий нос.

— От меня в больнице секретов нет. Мне больница-то... родного дома ближе. Я уж там... как житель постоянный... Мне все говорят.

— Там ни от кого секретов нет, — сказала Наталья горько. — Небось, сестрички кости перемывают... по палатам разносят. О больных не думают. Говорить легко. А я этого ракового видела сегодня — страх смотреть. Лица нет. И шарахаются от него, как от прокаженного.

Рая насторожилась.

— Знаешь его, что ли?
 — Как — знаю? — Наталья уныло пожалала плечами и усмехнулась, обращаясь к ожидающему ее Андрею. — Бывший муж — это как? Знаю я его или нет? Правда, очень уж бывший...

Андрей не отреагировал, а Рая присвистнула.

— Ой-ой! Бросила ты его, значит?

— Бросила.

— Значит, и твоя вина тут есть, — сказала Рая назидательно.

Наталья возмутилась.

— Нет моей вины! Что ерунду городишь?

— Во всем наша вина есть. Отмолить бы надо. К батюшке сходить... Покаяться...

— Рая! — рывкнула Наталья. — У нас внучка родилась! Что ж у меня — дел других нету?

— Неверующий ты человек, — вынесла приговор Рая. — И работа у тебя богомерзкая...

— Где мне, — согласилась Наталья. — А кто верующий? Как я могу быть верующей, когда я десять лет в школе, извините за выражение, научный марксизм-ленинизм изучала? Какая у меня вера? Брось...

— На тебя грех падет, — поведала Рая торжественно.

— Типун тебе на язык. Болтаешь — не сообщаяешь что. Антоша объявится — скажи, пусть позвонит, я волнуюсь.

На лестнице Андрей хмыкнул:

— Карга старая. Все-то ей виноваты.

Наталья устало махнула рукой.

— Да уж. Выбрала Ириша. Повезло... Дай бог сил теперь...

Они подошли к машине, и Наталья гадала, стоит ли возвращаться с Андреем домой или сразу ехать в роддом, но ожил телефон, и она, разглядев входящий номер, с восторгом закричала:

— Ириша, Ириша! Слава богу!..

Андрей, вертя на пальце ключи от машины, с интересом наклонил голову.

— Ирочка, родная! — закричала Наталья в трубку. — Поздравляю, солнышко! Как дела? Как чувствуешь себя? Как девочка?

Она с облегчением услышала, что Ирин голос звенел от восторга.

— Ой, супер! Прелесть... Такая хорошенькая! У нее волосики... Другие — лысье! Я смотрю: а наша — кудрявая. Светлая... Реснички замечательные... Глаза голубые...

— Ирочка, у всех сначала голубые, потом поменяются! Поменяются, говорю! — забывшись, Наталья голосила на всю улицу, так что Андрей морщился со снисходительной усмешкой.

— Ириша, следи за грудью! Слышишь? За грудью следи! Сцеживай до упора, себя не жалей! Если чуть затвердение — беги к врачам, говори сразу! Нам мастита только не хватало!

Андрей решительно открыл машину, залез внутрь и захлопнул дверь, чтобы не слышать деликатных подробностей. Два молодых парня возникли вдалеке, покосились на Наталью, прислушались и разом повернули за угол — и даже слышно было, как над головой демонстративно закрыли форточку.

— Что принести, родная моя? — тараторила Наталья без перерыва. — Чего хочешь? Молока много? Я морковного сока принесу! И варенья черносмородинового! И орехов куплю! Как кормят?..

— Нормально, мам! Ничего не надо! Антошка прибегал с утра, полную сумку принес — в тумбочку не лезет! Ставить некуда!..

У Натальи вырвался вздох облегчения, и на сердце стало тепло. Все-таки бесследно провалившийся зять отметился правильно — где бы он сейчас ни праздновал и ни колобродил.

— Я кроватку привезла! — сообщила Наталья. — Уже у вас! Антоша придет — соберет. Привози хоть завтра — есть где спать малышке.

— Ой, мам, а коляску? Это универсальнее! Кроватку можно бы потом! Она и в коляске пока поспит, а кроватка...

Наталья разгневалась и проявила материнскую твердость.

— Что ты, безумная? Как живого ребенка круглые сутки в коляске держать? Полиэтиленом дышать?.. Очухайся, тебя наркозом, что ли, обкололи? Совсем ты, дорогая моя, в школе плохо училась...

— А... — сообразила Ирина. — Ну, ладно.

— На кого похожа? — спросила Наталья. — На кого похожа, говорю?

— Ой, Антошка вылитый! И голосок тихий, нежный... Другие басом орут противно...

Наталья придирчиво скривилась — благо, дочка не видела ее гримасы.

— Не в нашу, значит, родню... Ну, ничего, лишь бы здоровенькая...

— Я ей имя придумала! Слышишь, мам? Супер! Будет Варвара Антоновна Крылова!

— Как? — переспросила Наталья оторопело, сочтя каприз дочери за проявление послеродового психоза. — Хорошо, хорошо... Выпишешься — назовешь. Без имени не останется...

— Ладно, мам, а то деньги закончатся! Ты мне брось рублей сто, хорошо?..

— Ириша! — закричала Наталья напоследок, понимая, что дочь вот-вот положит трубку. — Пожелтеть может, Ириша — не пугайся! Слышишь?..

С немалым облегчением она села в машину и с удовольствием развалилась на сиденье.

— Поехали, Андрюша, — попросила она, — домой. Я с мыслями соберусь... Барахло перетрясу...

— Как? — спросил Андрюша, поворачивая ключ. — В порядке мамаша молодая?

— Тьфу-тьфу! Кажется, нормально.

— Ну, с почином, — сказал Андрюша весело. — Понравится — так, может, один за другим пойдут... Успевай принимать.

— Ох, не болтай. С одним бы справиться. Поехали...

Вернувшись домой, Наталья первым делом отнесла Свете трехлитровую банку собственноручно засоленных огурцов — в благодарность. Укрыла пледом мужа, которого сморил сон, собрала столовые приборы, прикрыла дверь к нему в комнату, а потом полезла на антресоли, где можно было найти старые вещи: Ирину детскую шубку, крохотные валеночки, кое-какие игрушки, которые жалела выкинуть. Там же лежали запасы фланели, бязи и марли. Наталья разложила все на столе, стала перебирать, но ей мешали поздравительные звонки от родственников и знакомых. Когда Наталья взяла в руки Ирины старые вещи, ей сделалось грустно, она вспомнила, как растила дочку, какие были трудные годы, как не было денег, не было еды... Как копили два месяца, чтобы купить плюшевого зайца... Вспоминалась маленькая Ирочка — тихий ласковый ребенок... Как она любила плескаться в ванночке... Как резво, будто таракан, ползала по комнатам на четвереньках... Как читала стихотворение на утреннике в первом классе... Воспоминания

роились хаотично, из памяти всплывали картинки из разных лет, и невольно вспомнился ее потерянный, нерожденный ребенок — мальчик — о котором она когда-то запретила себе думать раз и навсегда. Было бы ему почти тридцать... И своя семья... И наверняка она давно была бы уже бабушкой... И все было бы по-другому. Накатило горячей волной и обожгло душу, но отвлёк звонок в дверь — пришла Света.

— Вот, принесла, — сказала она шепотом, вынимая из кармана халата трогательное круглое зеркальце. — Возьми, как забирать будете. В пеленки, в одеяльце положи.

— Зачем? — не поняла Наталья.

— От сглаза...

— Ах да! — Наталья спохватилась, что забыла старую примету. — Спасибо, положу.

— Имя придумали?

Наталья недовольно скривилась.

— Не знаю, что-то задурила молодая мамаша, по-моему... Сказала: Варварой назову.

— Не нравится? А что — Варенька...

— Варенька — на варенье похожа... Варвара — грубо... Почти как варварка. Чудится: вар-варвар... Фу. Может, передумает? У бабушки сестра двоюродная была — Варвара. Помню я ее — мужиковатая, со шваброй... Полы все мыла. И на голову с придурью. Ассоциируется...

Света утешительно погладила ее по плечу.

— Свое дитя — как хочет, так и назовет. Твое дело, бабушка, принимать как есть.

— Я хотела Дашенькой назвать... — помечтала Наталья. — Дарья Антоновна... Хорошо, — она вздохнула. — Была бы здоровенькая, а там — хоть горшком...

— Это правда, — согласилась Света. — А не узнавала — сколько теперь за девочку в роддоме денег давать?

— Кому? — не поняла Наталья.

— Ну, нянечкам, сестрам... Когда выписываю. Мы-то своего в советское время еще забирала — тогда за мальчика пять рублей дать полагалось. За девочку, конечно, меньше... три рубля — и хватит.

— Не знаю... — вздохнула Наталья. — Молодой отец пускай думает...

Еще немного поболтали, Наталья посетовала, что не нашли коляску, Света обещала обзвонить знакомых и ушла. Наталья вернулась

к занятиям и все не могла понять, отчего ей в радостный день так грустно. Подумав, она решила: наверное, потому, что ее упорно возвращали мыслями к печальному видению — бывшему мужу, источенному болезнью, и что, наверное, следовало бы его пожалеть. Наталья прилежно постаралась вызвать в душе эмоции, но не выходило — никаких чувств она не испытывала к нему: ни неприязни, ни сочувствия — пустота. Единственно, что зашевелилось в душе — опасение за дочь и внучку, на которых каким-то образом может отразиться ее черствость к умирающему. Сама Наталья в подобную мистику не верила, но отвергать предположение не стала. Мало ли что может быть и как в природе устроено. Конечно, надо пожалеть старого дурака... Но она не представляла, как обратиться, какие подобрать слова и, кроме того, нужна ли старому дураку ее жалость? Вряд ли ему приятны общие воспоминания... Сойдет еще в могилу раньше срока, а она окажется виноватой...

Из оцепенения ее вывел Таин звонок.

— Слушай, бабуся, — сообщила сестра, запыхавшись. — Нашли мы вам коляску! Пляши! В соседнем доме девочка продает.

— Знаешь семью? — забеспокоилась Наталья.
— Чисто у них? Сколько стоит?

— Чисто, не волнуйся. Дед богатый, семья приличная. У него склад, лекарствами торгует... Уж, наверное, тетки-то санитарию с гигиеной зубок знают.

— Богатый... Небось, дорого? Особенную не нужно, нам простую...

Тая прервала:

— Забудь, мы подарок делаем. Могу я единственной племяннице подарить?

— Спасибо, — выдохнула Наталья. Она тоже считала, что сейчас, когда много расходов, сестра может облегчить им жизнь — тем более, что они дарили Валерику манеж... ботиночки... машинку на батарейках...

— Вот-вот, пожалуйста. Заходи завтра.

— Завтра не могу, — спохватилась Наталья. — Мне завтра в смену...

— Ну сегодня, может, успеешь? Или Леню пошли?

В последних словах звучало злорадство, точно сестра прекрасно знала, в каком Леня находится состоянии.

— Успею, — решила Наталья. — Все равно весь день на ногах. Неизвестно, что потом понадобится. Жди — прибегу.

Она собралась с силами, встряхнулась и отправилась по маршруту, уже сегодня пройденному. Был вечер, начинало темнеть, автобус был набит и по улицам ходило множество людей. Целенаправленно двигались с работы домой, неспешно прогуливались после рабочего дня, стояли у подъездов, что-то обсуждая, и даже сидели группками на лавочках или на траве. Дети бегали, играли на детских площадках, шумели, Наталья представляла, что скоро ее внучка будет так же играть и шалить. Ездили машины, мелькали лица, но Наталья издалека увидела того, кто сегодня постоянно отвлекал ее от радостных мыслей и хлопот. Бывший муж, сгорбившись, брел навстречу, шаркая домашними тапками по асфальтовой дорожке. Наталья неприязненно сжалась, но тут же подумала, что, наверное, встреча не зря и это хороший случай примириться и сказать что-то ободряющее. Потребности она не чувствовала, но убеждала себя, что надо и умирающему сделается легче. Он поравнялся, Наталья замедлила шаг, чтобы остановиться и поздороваться, но ее больно удивило выражение его глаз. Когда-то близкий, а теперь совершенно посторонний ей человек... Он словно не видел дорожки, не видел окружающих, не замечал и не узнавал самой Натальи, а смотрел в другую реальность, наблюдал нездешние картины, и глаза его казались затянутыми неуловимой пленкой, словно водяная поверхность бензиновой радужкой. Не нужна ему была Наталья, не нужны воспоминания, их прошлое и ее прощение... Ничего не нужно. Он прошел мимо. Наталья почувствовала мимолетный запах заброшенности и лекарств, и ее передернуло.

«Правильно, — подумала она. — И не надо... Зачем ворошить? У каждого свое...»

И она, стараясь стряхнуть тягостное ощущение, побежала дальше.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

121

рассказ

Анатолия ждали домой, в среднерусский городок, пятнадцать лет, смирились с отлучкой и привыкли к радости от лаконичных вестей, когда незнакомые люди передавали привет проездом или случалось короткое письмо без объяснений и прогнозов. В угасающих воспоминаниях он залетел куда-то далеко и превратился в часть недостижимого мира, о котором все знают, что он есть, но твердо не убеждены, поскольку ни потрогать, ни испытать не в состоянии. О нем думали все реже, и во время, когда совершенно отвлеклись и давняя заноза не волновала родных — перед свадьбой сестры Наташи — он неожиданно явился домой. Сестра не видела его с детства и не узнала потрепанного морщинистого дядьку, но приняла брата со шепелявым восторгом и сочла долгожданное событие добрым предзнаменованием. В любую свободную минуту она висла на Анатолии, щебетала, рассказывала о делах и делилась планами. Мать Инна Михайловна поразились, что узнала сына отстраненно, как дальнего родственника, умом понимая и признавая тождественность черт, а впечатление от Толечки, с которым она когда-то рассталась, не восстановилось. По ночам она вставала, вопросительно смотрела в лицо спящему, убеждалась, что это сын, искала в душе отклик и не находила. Отец Григорий Николаевич тоже чувствовал неладное. Он косился издали на молчащего, словно замороженного сына и ходил, тихонько твердя:

— Не пойму... Свой он? Или не свой?

— Ты что? — махала на него руками Инна Михайловна, заступаясь за сына. — Не узнаешь? Наш он... Наш.

— Наш-то наш... Думаешь, не вижу? А свой... Не свой? — Григорий Николаевич старался объяснить замеченное им несоответствие, но получались примитивные аргументы: — Сидит, не делает ничего. Помог бы рамы переделывать...

Инна Михайловна морщилась.

— Лишь бы запрячь... Сын-то нужен как работник. Вон какой — постаревший... Измученный... Пусть отдохнет. Человек в родной дом вернулся, а ты куском попрекаешь.

Григорий Николаевич взрывался:

— Что ж я, сына голодного не накормлю? Сыну кусок найдется... Пока у самого руки-ноги целы, — и он опять твердил: — Не пойму — свой или чужой? С нами он или против?

Инна Михайловна не понимала.

— Как на войне. Позывной тебе, что ли, пароль нужен?

— У нас повсюду война, а как же, — вздыхал Григорий Николаевич. — Сейчас каждый сам за себя. Враг в семье не нужен...

— Вот-вот, — издевалась Инна Михайловна. — У Федуловых дед тоже взбесился, с ружьем принимал встречного-поперечного. Довстречался!

— Что ж... — вздыхал Григорий Николаевич, решая сложную головоломку. — Дед Федулов прав по-своему...

Наташа не помнила Анатолия, поэтому не испытывала дискомфортных ощущений. Она тискала брата, словно маленького, хлопала по плечам, трепала за руки и приговаривала:

— Где ты раньше был? Где, где? Дождался, что замуж выходить... И явился, как назло.

Анатолий принимал сестринскую ласку терпеливо и без эмоций. В голубых, подернутых желтизной, как постаревшая бумага, глазах было ровно, и ни один мускул на жестком теле не выдавал отношения к бесцеремонной тряске.

— Не выходи, — советовал он равнодушно.

— Не-е-ет, хитренький. Окончательно решено, — Наташа приглушенно делилась секретом: — Гости созваны, водка куплена...

Анатолий усмехался и смотрел куда-то сквозь сестру:

— И все? Веская причина.

— Не только... — Наташин мечтательный голос излучал тепло, и она произносила по складам, словно боялась произнести или не нашла правильной интонации. — Люб-лю я его...

Анатолий пожимал плечами, а Наташа, склонив голову к его крепкому бицепсу, продолжала грезить:

— Хоть из дома не уходи. Жалко, мы с Генкой здесь не можем... Он мать оставить боится. Где ты пропадал? Где?

Инна Михайловна, прислушиваясь издали, напряженно сводила брови. Ей самой хотелось, чтобы дочка с будущим зятем пожилы с ними. Она страшилась оставаться с сыном без порхающей Наташи, когда очевидно стало бы неловкое отчуждение. С другой стороны, различая что-то угрожающее в молчаливой фигуре, в жестах сына, она опасалась, что молодой муж на общей территории не сойдется характером с шурином — примеров подобных конфликтов с далеко идущими последствиями она знала множество.

— Что ж... — невозмутимо бросал тем временем Анатолий. — Нужен был, что ли?

— А как же! — воскликнула Наташа, всплескивая руками. — Другое дело — когда старший брат! Девчонки бы завидовали... Вон у Тоньки брат старший, так к ней с уважением... И от ребят защищал бы.

— Приставали?

— Приставали — не приставали... Все равно защитник нужен, — серьезно рассудила Наташа. — Вон Витальке бы, гаду, показал, что почем.

Она запальчиво погрозила кулачком неведомому провинившемуся Витальке.

— Обижал? — коротко поинтересовался Анатолий.

Наташа вздохнула в задумчивости:

— Обижал, не обижал...

Она не могла внятно ответить на вопрос. Брат предложил бесцветно:

— Ну, хочешь, я твоему Витальке голову скручу?

Было что-то в его ровном тихом голосе такое, что Наташа испуганно возразила:

— Н-нет... Не надо.

Она слегка оторопела. Представилось, что лелеемое в горячих фантазиях отмщение с громоподобным торжеством, с публичным раскаянием виновника, фонтанами слез, прилюдным унижением и муками бессрочного отчаяния обернется тоскливой уголовной жутью. Больше она старалась не навлекать братнин вялый гнев на недругов.

Прошла молва, потянулись в гости родственники и старые Анатолиевы знакомцы. Как-то зашла, любопытствуя, его бывшая девушка Юля. Юля была давно замужем, имела пятилетнего мальчика и ждала второго ребенка. Она тяжело разместилась на табуретке посреди

комнаты, а ее бойкий отпрыск зашустрил по углам под неодобрительные взгляды домочадцев. Юлю не жаловали в семье, Инна Михайловна считала, что та явилась исключительно, чтобы свысока продемонстрировать благополучие, и переживала за сына. Юля рассказывала, как им хорошо живется и что ей при поздней беременности проблемно ездить с мужем на развлечения — в ночные клубы, дискотеки. Но Анатолий удивил присутствующих женщин тем, что уделял госте внимание между делом, ронял слова неохотно и на лице у него читалась скука, смешанная с отстраненной гадливостью, как будто перед ним была змея или лягушка. Потом Юлин сынок подобрался к бутылочным ящикам, приготовленным для свадьбы, Наташа шуганула его, он закричал, и визит оказался скомканным. Когда Юля ушла, Инна Михайловна вопросительно рассматривала Анатолия, пытаясь выявить проснувшиеся чувства, но тот лишь исказил лицо в брезгливой гримасе.

— Фу... — проговорил он. — Пахнет она...

— В смысле? — не поняла Инна Михайловна.

— В смысле, что беременная... Бабой пахнет сильно.

Инна Михайловна не ощутила запаха, перебитого пронзительными Юлиными духами, но Григорий Николаевич вполголоса подтвердил:

— Это точно. Ее чуть собаки не затоптали. Как на улицу ни выйдет, за ней стая бежит. Нет бы дома сидеть дурище... От греха.

— Собаки — ерунда, отобьется... — Анатолий выдержал длительную паузу и проронил, давая понять, что внимание его к пикантной детали не праздное: — Когда так пахнет, убить могут.

— За что? — пролепетала Инна Михайловна.

— За запах. Нельзя вызывающе вести себя. Для кого-то, может, все равно что голая она бы вышла. Раздражает людей.

— Где же это, Толя? — Инна Михайловна испугалась, а Григорий Николаевич замолчал.

— Есть места.

Анатолий проговорил эти слова тихо, а Инну Михайловну резануло по сердцу, что сын явился из страшных краев.

За два дня до свадьбы приехал из рейса Гена, и оказалось, что между делом что-то нашептали ему радители о чудом счастье. К вечеру он

явился во двор совершенно пьяный, голося во все горло:

— Славка! Славка, я знаю, что ты здесь! Выходи!

Беспокойно выглянула Инна Михайловна и увидела будущего зятя во всем великолепии — красного, нелепого, растрепанного, в расстегнутой рубашке, и ахнула от неприятного сюрприза.

— Гена, милый, побойся бога, — она сделала попытку загасить зятев бунт в зародыше. — Что ж при людях, разве можно? Какой Славка? Ноги его год уже не было. Иди домой...

Но у Гены в голове замкнулась от алкоголя схема, и он заикнулся на одном и том же.

— Славка! Выходи! У вас Славка... В доме... прячется... Я знаю! Пусть выйдет!

Выскочила Наташа, подтянулись соседи, довольные бесплатным зрелищем, но урезонить Гену не удавалось. То казалось, он готов сдать и позволить увести себя куда-нибудь проспаться, но потом начинал снова. Вышел Григорий Николаевич, обругал Гену в сердцах, но не подействовало. Пока вокруг происходила суета, незаметно появился Анатолий, взглянул на буяна из-под бровей пугающей блеклой голубишной и негромко сказал:

— Уйди.

Сразу почему-то сделалась тишина, и Гена замолчал. Анатолий отошел и присел на крыльцо. Наташа застегивала незадачливому ревнивцу рубашку, Инна Михайловна отряхивала его от прилипшего сора, а Григорий Николаевич свирепо выговаривал за дурное поведение. На лице Анатолия снова промелькнуло брезгливое выражение, он поднялся, оказался рядом с Геной и с глумливым, даже довольным видом сделал неуловимое движение, и Гена полетел в поленницу, руша на себя штабеля дров.

— Мразь, — проговорил он.

Возмущенная Наташа закричала на брата и затопала ногами, но тот прервал ее тихим тоскливым вопросом:

— И нужно тебе за дурака такого?

Повернулся и ушел в дом, оставив семью улаживать инцидент. Несуразный Гена был спроважен домой, его мать получила подробный инструктаж на различные случаи жизни, а Наташа дулась на Анатолия целый час, но потом

простила и снова, мурлыкая, висла на братниных плечах, как на вешалке.

Накануне свадьбы, когда Инне Михайловне стало ясно, что все дела не объять, остается довольствоваться тем, что уже совершено, она прикрикнула на домашних, отняла у Наташи уют и бигуди и прекратила кипение деятельности. Она заварила чаю, вынесла во двор посуду, и семья уселась вокруг стола. Был приятный вечер, погода стояла изумительная: ветер стих, небо прояснилось и стало светло-золотистым, как топлёные сливки или липовый мед. В нереальной высоте почудилось перышко облака, грозящее непогодой, но, приглядевшись, Инна Михайловна поняла, что это реактивный след. По округе, по городу разлита была благодатная тишина. Ни один лист не шевелился. Спали птицы, затихли мухи, и только иногда далекий автомобильный шум казался мирным и уютным.

— Хорошо, Наташ, — выдохнула Инна Михайловна. — Погода-то для тебя какая.

Наташа наслаждалась предвкушением праздничного торжества.

— Да... — согласилась она несмело, словно в глубине души не верилось, что все так замечательно.

Мать с дочерью, обнявшись, долго сидели на крыльце, гладили друг друга по волосам и перешептывались. Начало темнеть, и тогда Григорий Николаевич согнал их с насиженного места. Но у Инны Михайловны было еще дело. Она отозвала в кухню Анатолия, прикрыла дверь и тихонько проговорила:

— Сынок, вот что... Мы подарки дарим, но лучше, если ты Наташе свой преподнесешь. Она тебе, конечно, рада и слова не скажет... Но лучше будет... Покупок не надо, денежку в бумажку заверни и подари молодым... Она обрадуется... Вот.

Она достала из кармана две свернутые купюры из неприкосновенных запасов и попыталась засунуть в каменную сыновнюю пятерню, но Анатолий недовольно отстранился.

— Что ты, мать! — буркнул он. — Не нищий, есть. Смогу Наташке подарок поднести. Не бойся, справлюсь.

Он отвернулся и ушел в комнату, считая вопрос исчерпанным.

День свадьбы тоже удался, но действующие лица уже не замечали погоды, им было недосуг. Анатолий, примерив костюм, который повис на его осунувшейся фигуре мешком, отказался идти в загс, но обещал появиться в кафе, когда в толпе подвыпивших людей незаметны огрехи в одежде. Инна Михайловна в синтетическом синем платье, в туфлях, больно сжимающих отвыкшие ноги, волновалась, как выдержит нервную процедуру подверженный влияниям зять, но все прошло удачно. В кафе поначалу празднество тоже разворачивалось правильно. Тамада был в ударе, трепетная невеста светилась от восторга, зять, дергая пиджачными ватными плечами, держался солидно и от водки воздерживался — даже шампанское едва пригубил. Инна Михайловна строго следила за родственниками, склонными к излишествам, и за молодыми гостями. Один раз ей почудилось промелькнувшее в пляшущей толпе лицо сватки, искаженное страхом, она пригляделась, ища источник зла, но все находилось в рамках приличий, и Инна Михайловна успокоилась. Потом она обнаружила, что ей в толпе давно не попадался на глаза Григорий Николаевич. Она искала его глазами, но убедилась: среди гостей мужа не было. Насторожившись странным явлением, она задала тем, кто был рядом, несколько вопросов, но в ответ ей только весело трясли головами, обсыпанными конфет-

ти. Прошло минут двадцать, произнесли несколько тостов, прочитали шуточные стихи, но Григорий Николаевич не появился. Сватка прятала глаза — во всяком случае, она ни разу не встретила ищущий взгляд невестинной матери. Нахмурившись, Инна Михайловна встала и вышла из душного зала на улицу. Никого не было, даже курящих, только на кафельных ступеньках сидела пьяная родственница жениха и вытирала заплаканные глаза концом газового шарфа. Инна Михайловна, вздохнувшая, что алкогольные эксцессы начинаются слишком рано, обратилась к женщине с сочувствием:

— Вам нехорошо? Может, воды, капель?

Та затряслась:

— Нет, не надо. Сейчас успокоюсь, — она шмыгнула раскисшим носом и пожаловалась: — Пойду умоюсь, чтобы молодым не показывать, нельзя. Ужас-то какой... Ох... И на свадьбе еще...

— Что случилось? — спросила Инна Михайловна упавшим голосом.

Родственница оглянулась и произнесла громким шепотом:

— Брат невестин повесился. Говорят, одного оставили, он и...

У Инны Михайловны подломились ноги, и она села, цепляясь за перила.

□

Ольга Владимировна ПОКРОВСКАЯ

родилась в Москве.

Окончила Московский авиационный институт.

По специальности — инженер-математик.

Пишет прозу.

Печаталась в журналах «Знамя»,

«Новый мир», «Урал», «Октябрь», «Звезда».

Живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

